

Загадочная душа поэта

(к 160-летию Анатолия Константиновича Лядова)

*Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.*

А. С. Пушкин

Неслучайно строки Пушкина открывают статью об одном из самых загадочных композиторов конца XIX - начала XX века – Анатолии Константиновиче Лядове. Пушкин был его любимым и особо почитаемым поэтом¹, и этому есть интересное подтверждение.

Лядов был очень разносторонней и увлекающейся личностью. Стихи – только лишь одно из проявлений богатой творческой природы композитора. По свидетельствам современников, он быстро загорался и так же быстро мог охладеть, будь то книга, философское направление (Лядов увлекался философией, однако быстро в ней разочаровался), художник или композитор... Как известно, одним из самых любимых занятий Анатолия

Константиновича было именно чтение, служащее духовной пищей и отдушиной, и особенно подходящее по темпераменту для спокойного, любящего мыслить и рассуждать, человека. Творческий путь Лядова можно изобразить в виде огромного, с пышной, ярко-зеленой, цветущей кроной дерева, выросшего из небольшого ростка. Конечно, дарование композитора проявилось очень рано, как это часто бывает с детьми, растущими в атмосфере искусства, однако, только перейдя рубеж XX века Анатолий Константинович был всенародно признан как один из выдающихся музыкальных деятелей. Последнее 15-летие жизни Лядов чувствовал невероятный подъем сил, а исследователи творчества отмечают этот период как самый плодотворный. «Я почувствовал за своей спиной крылья. Если не умру до своей свободы – пенсии – сделаю кое-что хорошее» [1, 116].

К ДРУГУ

*Пишу онегинским размером
Высоко Пушкина ценя,
Увлёкся я его примером.
Прости, о господи, меня.
Но я немного отклонился...
На чем же я остановился?
Ах, да! Пора мне уезжать,
Мой скромный домик покидать,
Семью, тебя, твой дом радушный,
Где целый день я пропадал,
Где разговорам я внимал
Про платья, про пирог воздушный,
Про боль зубную, про детей,
Про шлем большой без козырей.*

А. К. Лядов

¹ «О Пушкин, Пушкин! Вечный, лучезарный, свободный, художник — от головы до пят! Вот перед кем могу стоять на коленях». (Письмо к Н.Г. Корсакевич от 30 июля 1907 г.) [3, 89]

Деятельность Анатолия Константиновича Лядова была очень разнообразной – это и активное участие в Беляевском кружке, и дирижерская работа в Русских симфонических концертах, и, конечно, педагогическая деятельность – более 30 лет композитор преподавал в Петербургской консерватории. Однако, несмотря на деятельное участие во всевозможных творческих проектах, личность Лядова во многом оставалась загадочной для его современников. Лишь с небольшим кругом друзей композитор делился глубоко личными переживаниями, впечатлениями от книг, людей, встречавшихся на его пути, и той частью наследия, которая только после его ухода из жизни стала доступна для поклонников творчества Лядова. Это творения в области эпистолярного жанра и рисунки, необыкновенного и разнообразного содержания. «Нет необходимости говорить, как часто А. К. Лядов писал свои письма в стихотворной форме. Версифицированные письма Лядова – это не сочинение стихов; это, вероятно, было для композитора естественным способом выражения своих мыслей. В письмах к Абрамычеву Лядов рифмует все – свои просьбы, замечания, описание своих проблем со здоровьем» [2, 342]. Например, шуточное стихотворение, основанное на перечислении фамилий педагогов консерватории:

Галкин, Маркус, Пожаров,
Соловьев, Романов,
Блуменфельд, Бем, Глазунов,
Краснокутский, Жданов.

Зейферт, Вурм, фан Арк, Толстов,
Винклер, Ауэр, Габель,
Рааб, Демянский, Бах, Лавров,
Ирецкая, Цабель.

Вержбилович, Резвцов,
Витоль, Нидман, Черни,
Малоземова, Петров,
Чиж, Дубасов, Ферни.

Тамм, Абрамычев, Экштейн,
Тюрнер, Миклашевский,
Панш, Саккетти, Венцель, Штейн,
Юргенс, Пузыревский.

Гентш, Маренис, Соколов,
Цванцигер, Иванов,
Затценгофер, Чистяков,
Корсаков, Степанов.

Быстров, Федоров, Гордон,
Самусь (наш инспектор),
Шуберт, Бенуа-Эфрон
И Бернгард (директор).

Небольшие стихи, полные элегантности и тонкого юмора можно найти на страницах писем композитора. «Экспромт Ю.Л.Т.»:

*Скажу вам правду, а не лесть:
Три грации считались в древнем мире;
Родились вы – их стало шесть.*

О творчестве, связанным с художественным искусством, я беседовала с искусствоведом, доктором философских наук, главным научным сотрудником Государственного Русского музея Алексеем Алексеевичем Курбановским:

В.М.: Анатолий Константинович Лядов – богато одаренный композитор, разносторонний и многогранный, в жизни этого художника творчество проявлялось всюду. Рисунки – одна из граней творческого дарования, они хранятся в РНБ в отделе рукописей, несколько рисунков в фонде Н.И. Абрамычева: «Пианистка Клеменц», «Драма “Соколов, или Первый любовник”», рисунок на залитом кофе круглом клочке бумаги, где в центре нарисована в профиль головка цыпленка, а запись вокруг гласит: «Медаль в память В.А. Шуберта на фоне кофейного пятна от стакана на клякс-папире» [2, 338]. К сожалению, у меня нет возможности живого общения с рисунками, поэтому я прошу Вас взглянуть на их публикации в книге М. К. Михайлова «Анатолий Константинович Лядов». Как бы Вы определили жанр рисунков? Можно ли глядя на эти любительские зарисовки, говорить о какой-либо художественной технике?

А.Курбановский: Есть два метода обращения с формой в графике – это когда используется контур, и второй, так называемый живописный, в котором используется пятно. Так вот, что меня удивило, в рисунке под названием «Адам» использовано именно пятно. Скорее всего он брал карандаш или отломанный грифель, и работал не кончиком, а стороной этого грифеля. И кроме того, тут прочитывается фактура – возможно, это лежало на каком-то шершавом столе или деревянной доске. Всегда нужно видеть оригинал, цвет рисунка – или это черное изображение, или сангина (сангина - (фр. sanguine от лат. Sanguis) – материал для рисования, изготавливаемый преимущественно в виде палочек из каолина и оксидов железа, цветовая гамма сангины колеблется от коричневого до близкого к красному – В. М.) – красное, или уголь, или это грифель – так называемый итальянский карандаш.

В.М.: Лядов называет этот рисунок «Адам из красной глины».

А.К.: Адам – это библейский образ, общий для некоторых восточных культур. При взгляде на другие рисунки, здесь видна линия, очень четкий и резкий контур, видимо, такая техника ему (А. К. Лядову – В. М.) нравилась. В карикатурных рисунках тоже есть контур, и, что интересно, изображение слегка затонировано.

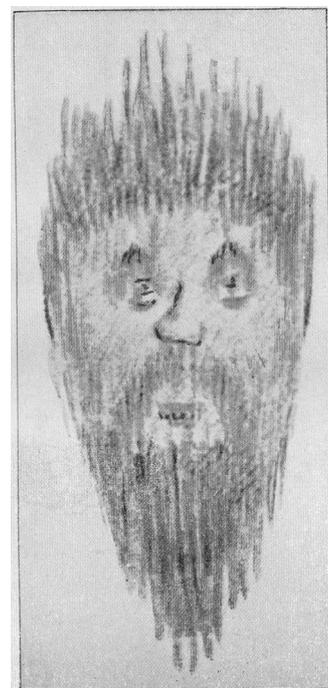


Иллюстрация 1:
«Адам из красной глины»

А здесь нет контура совсем (А. К. вновь возвращается к рисунку «Адам из красной глины»), разве что нос, но и он выполнен торцовой частью грифеля, то есть в этом рисунке принцип понимания формы не линейный, а живописный. Он основывается не на ощупывании формы, контура, а на создании некоего пятна, которое создает оптическую иллюзию. Это то, что при первом взгляде меня удивило, потому как это мало кто понимает из художников. В какие годы создавались эти рисунки?

В.М.: Это примерно 80-ые годы XIX века.

А.К.: 80-е годы – это начало великих перемен в искусстве. Это время, когда начал работать Врубель (М. И. Врубель – художник рубежа XIX- XX вв., работал практически во всех видах и жанрах изобразительного искусства – В. М.). Он имел академическую подготовку (Академия художеств, мастерская П. П. Чистякова – В. М.), Чистяков ставил задачей создание контурного рисунка. Также он рекомендовал своим студентам разбивать форму на грани и растушевывать ее с разной степенью интенсивности для усиления объемных свойств формы. Врубель впоследствии использовал эту форму и смог прочесть в ней новые эстетические возможности. Репин (И. Е. Репин, создавший портрет А. К. Лядова, состоявший с ним в переписке – В. М.) был тоже ученик Чистякова, но у него такой гранености нет, поскольку стиль Репина сформировался раньше, чем он соприкоснулся со школой Чистякова.

В.М.: Анатолий Константинович Лядов очень интересовался живописью. С живописным искусством связал жизнь и его сын– Михаил Анатольевич Лядов.

А.К.: Дело в том, что при Академии художеств были рисовальные классы, где преподавали и педагоги академии, и их ассистенты. Профессор приходил (1-2 раза в неделю) и оценивал усилия студентов, то, как они выполнили его задачу, а в оставшееся время его заменял ассистент. Может быть, Лядов посещал эти классы для попытки найти новые средства выразительности. Какое место сам композитор уделял своим рисункам, считал ли он это отдельной формой выражения своих творческих стремлений или создавал это как шутку?

В.М.: Дело в том, что А. К. Лядов был очень закрытым человеком и мало кому что-то показывал. Фактов о чьих-то впечатлениях от рисунков при жизни Лядова нет. После – друзья, конечно, были впечатлены.

А.К.: Ну они же сохранились, он же их не уничтожил!

В.М.: Когда я впервые показала Вам рисунки, Вы сказали, что они - из сновидений. Композитор очень любил русские народные сказки. Они вдохновили его на создание произведений «Волшебное озеро», «Кикимора», «Баба Яга».



Иллюстрация 2:
«Урод-красавец»



Иллюстрация 3:
«Водяной»

А.К.: В 1881 году вышла знаменитая многотомная книжка Ровинского (Д. А. Ровинский – историк искусства – В. М.) «Русский лубок». Он собрал несколько тысяч лубков, расположив их по темам: религиозный, сатирический, бытовой, лубок, связанный с подвигами героев. Ровинский сделал эти образы доступными для широкого круга, благодаря ему произошло фолк-возрождение, это был очень мощный взрыв интереса к фольклорным образам. О сновидениях. Мне показалось, что это зыбкая, неопределенная форма (речь идет об «Адаме из красной глины» - В. М.), лишена четких контуров, в отличие от остальных рисунков. Здесь нет четкости, есть размытое очертание. Фон и сам образ – как бы взаимо-перетекают друг в друга. Вот почему это как будто возникло во сне, в каких-либо видениях - как создание фантазии. В других рисунках контур еще и акцентирован, а за его пределами нет тушевки. Вот эти рисунки похожи на парсуны (парсуна – ранний жанр портрета – В. М.) или те же лубки (см. иллюстрации 2-4). А известно отношение Лядова к религии?

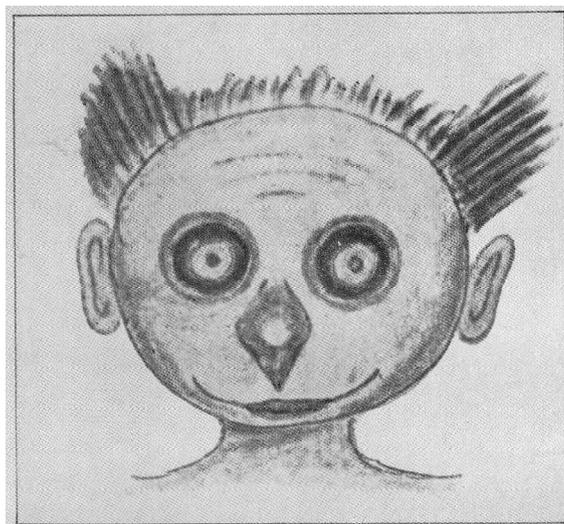


Иллюстрация 4: «Зеленый чертяк»

В.М.: Он был атеистом. Крещеный, однако, в течение жизни произошло переосмысление.

А.К.: В конце XIX века христианская религия была очень сильно скомпрометирована позитивистским отношением, начиная с книг Ренана (Жозеф Эрнест Ренан – 1823-1892 – В. М.), французского филолога, археолога и этнолога, который 12 лет жил в Палестине. Тогда персонажей святого писания стали рассматривать как реальных людей, которые одевались в какую-то конкретную одежду, пользовались какими-то предметами утвари и т. д. Стали показывать, как выглядели их жилища, улицы, монеты, какие средства передвижения они использовали и т.д. И это очень точно с точки зрения археологии, этнографии и антропологии описывалось. Если говорить об образе Христа сквозь призму картин Поленова. Художник говорил, что такой Христос, который ходил под палящими лучами солнца и загорал, и уставал, и спал, и отдыхал и потом опять ходил - мне гораздо более понятен, близок по-человечески, чем тот абстрактный бог, которого проповедуют в церкви. Т.е. Поленов был верующий, но он был сын своего времени и для него это имело смысл. С точки зрения художника историческое христианство наполняло конкретикой все образы, о которых Поленов читал в источниках.

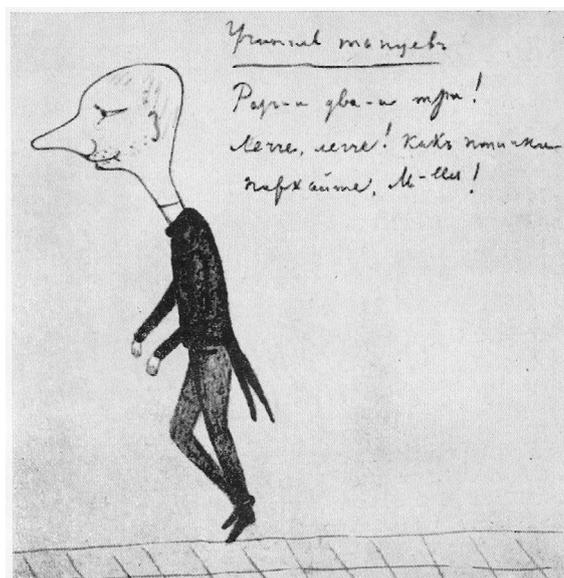


Иллюстрация 5: «Учитель танцев»

Об успехе книг Ренана свидетельствует то, что впервые перевод книги вышел в 1864 году, а когда Поленов обратился к притче «Христос и грешница», он пользовался уже тринадцатым русским изданием, то есть оно с 1864 года по 1872 издавалось каждый год. Это говорит о том, как оно было востребовано. Но при этом из религии стала уходить тайна, мистика, невозможно было представить, что это конкретные люди с конкретной одеждой и атрибутами, а как же чудеса? (смеется). Вот тут появляется еще одна причина обращения к народной образности. Считалось, что в народе вера более чистая, более подлинная, что народ сохранил какие-то архаические представления, что он связан с какой-то тайной, что за пределами ограниченного позитивистского знания что-то есть, и народ к этому ближе. Он, может быть, не сможет это объяснить, но догадывается душой, интуитивно. То, что образованный человек не может себе позволить, потому что по науке этого нет. И почему интеллигенция XIX–XX веков к этому потянулась, заинтересовалась этими народными образами? Потому что в этом видели отражение народного отношения к миру, в котором есть тайна – то, что не объясняется наукой.

Любопытно, когда музыкант видит другие способы выражения творчества, своей миссии. Кандинский, например, очень хорошо играл на фортепиано. В связи с этим он познакомился с Шёнбергом и настолько они сошлись, что Шёнберг под влиянием Кандинского стал писать акварели (Кандинский его хвалил и направлял). Хвалил, чтобы не отбить его желания. У нас была акварельная выставка Шёнберга – его работы похожи на ранние акварели Кандинского (смеется).

Или, например, Чюрленис. Он был и весьма интересный музыкант. В Литве есть его музей. А у нас исполняются его произведения. Это было характерно именно для рубежа веков, когда пошатнулись границы, прежде очень четко устанавливаемые между разными видами творческого выражения, когда, например, литераторы могли заниматься музыкой.

О Лядове осталось много воспоминаний. Это и его родные и близкие, и ближайšie соратники, и ученики. В. Г. Вальтер приводит фрагмент письма Лядова О. А. Корсакевич: «Как мало есть людей, с которыми можно поговорить по душе? И хороший человек, и добрый, и честный – да чужой. А для меня почти все люди такие. В один дом я иду – Сидоровым, в другой Антоновым, а дома всегда сидит одинокий Лядов» [3, 67].

Интересно привести и воспоминание С. М. Городецкого: «...А. К. Лядов говорил, что когда смотрит в их листву (кусты у окна дома), то видит в ней всяческие физиономии, рожицы разной твари. Направо дверь в столовую, телефон с креслом под ним и камин. Вот и все убранство комнаты, этой изящнейшей пустыни, приюта стольких дум, хранилища стольких сокровищ музыки» [3, 113].

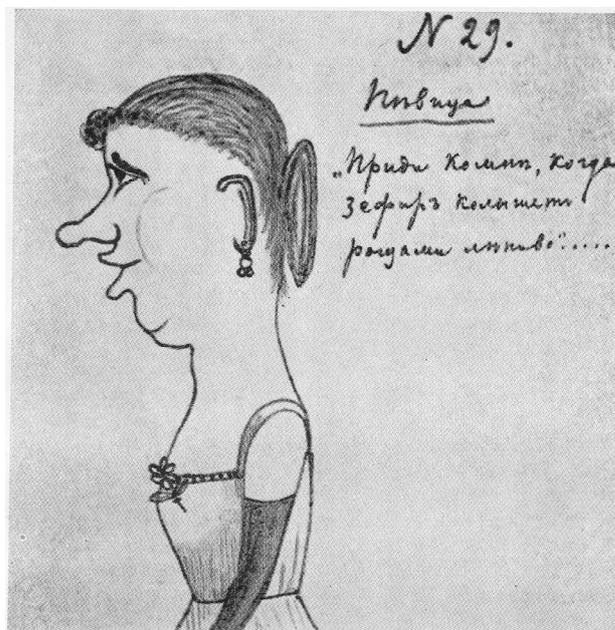


Иллюстрация 6: «Певица»

Использованная литература:

1. Михайлов М. А. К. Лядов. Очерк жизни и творчества — Л.: Музыка, 1985. — 205 с.
2. Гусейнова З.М. Документы Лядова в фонде Абрамычева (РНБ) // Непознанный А.К. Лядов: сборник статей и материалов / сост. Т.А.Зайцева. — Челябинск: МРІ, 2009. — С. 336–361.
3. Ан. К. Лядов. Жизнь. Портрет. Творчество. Из писем: сборник материалов. — Пг.: Издание попечительного совета для поощрения русских композиторов и музыкантов, 1916. — 226 с.
4. Римский-Корсаков А.Н. А. К. Лядов в освещении посторонних людей. — Пг, 1916. — 11 с.
5. Запорожец Н.В. А.К. Лядов. Жизнь и творчество. — М.: Музгиз, 1954. — 215 с.
6. Васина-Гроссман В. А. К. Лядов. — М.–Л.: Музгиз, 1945. — 46 с.
7. Климович О. Акварели Михаила Лядова в фонде Музея истории консерватории // Альманах «Малоизвестные страницы истории Консерватории». Вып. III. СПбГК, 2003.